

Рассказ

Ей захотелось очиститься, смыть грехи. С работы вернулась агрессивная, словно подросток с блэк-металл-концерта.

— Почему, ну скажи, почему все на Крещение окунаются, а мы нет? Лида из маркетинга окунается, Света-бухгалтер, Таня из внешнеэкономического. Даже эта подстилка Снежана в прошлом году окуналась! А мы?!

Стоит в дверях; взгляд, точно кувалда. Жаждет расплющить, втоптать и больше не беспокоиться.

— Давай окунемся, милая, — “белый флаг” выброшен, — я же в прошлом году предлагал...
— Настоять надо было как мужику, а не предлагать...

Жена снимает пальто, перчатки, кидает на софу, а в меня — льдинки слов.

— Я журнал принесла — посмотри. Завтра пойдём окунаться!

— А после на службу...
— На какую?
— В храм.

— А что, надо?
— Надо, разве тебе подстилка Снежана не говорила?

Службы жена не любит. В храмы, конечно, заглядывает, но стоять два часа не для неё: физические слононо.

В глянце журнала — длинный список. Кому и почему нельзя окунаться в мороз. Нельзя сердечникам, гипертоникам, гипотоникам, язвенникам, печёночникам, астматикам, больным подагрой, бронхитом, насморком... пока дочитаешь — состаришься.

Впрочем, не столь мутно, как почему нельзя окунаться. Набрано мелким шрифтом. Жирным — отборные, “шокирующие” факты. Вроде: “По статистике, во время купания в проруби погибает каждый двадцатый человек”. Поэтому, прежде чем лезть — подумайте; могли бы написать и “одумайтесь”. Но если всё же решились, так и слышится журналистская грусть, намажьтесь предвредительно маслом, разомнитесь, совершите пробежку, сделайте комплекс йога.

Нет лишь одной рекомендации — помолиться. После таких списков жена точно не окунётся. Поэтому — журнал под кровать.

Ставить будильник лучше всего на пять минут раньше того, когда хочешь проснуться. Чтобы понежить, поваляться.

Раз шесть, наверное, отдаляю сигнал, а вместе с ним и подъём. Наконец решаюсь, скидываю байковое одеяло, ёжусь в мерзлоту комнаты. Руку на батарею — едва тёплая.

Тыма за окном вязкая, грузная. Тёща наказала окунуться, пока не взошло солнце. Иначе грехи не отпустятся. Сколько там на градуснике? Минус девять. Спрятать градусник подальше, чтобы жена не видела. Прошлёпять на кухню, выпить оставшегося с вечера чая. Быть решительным. Совершить первое в своей жизни крещенское купание. Это, в общем-то, легко. Если сравнить с тем, что надо будить жену.

А она просит ещё часок, закрывается одеялом, бьётся подушкой. Уговоры, уговоры, будто я Молотов, а она Риббентроп. И всё-таки пакт заключен.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирается — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

Где журнал? Не знаю. Ты вчера листал! Дел куда-то. Так встань, найди. Да что искать, и так всё понятно. Пошли уже. Журнал найди, растягай в воду не полез! Ну и не лезь! Ну и ладно! Сидим напротив друг друга злые, взвешиваем.

А рассвет маслянистым шаром подползает и переваливается через линию горизонта.

Встаёт, ползёт в ванну, чистит зубы. Лениво собирает — я в коридоре одеждой, — потом вспоминает о журнале с рекомендациями.

ветняками. Жена бездвижна: угрюмым монолитом она замерла на бетоне — памятник рыбаку, который так и не смог вытащить рыбу.

— Давай, — говорю, — раздайся... Реагирует молча: начинает зарядку. Наклон влево, наклон вправо. Взмахи руками. Несколько выпадов, приседания. Она только разогрывается, а я уже начинаю мерзнуть. Ругаюсь, топлю.

С лицом вратаря, пропустившего пятый мяч, начинает раздвигаться. Кроликовую шубу, вязаное платье, шерстяные гамашы — на забор. Чувство, как дубеет, становясь гусиной, кожа. Надо позвонить журналисту. Пусть добавит в статью главную рекомендацию: “Не брать жену!”

Открыть рот, сказать всё. Но ведь праздник — Богоявление. Нет, молчать, терпеть.

Крещение рыбой

Наконец скидывает ночнушку, светливо мажётся оливковым маслом. Возвращает ночнушку и уверенно говорит:

— Пошли!
Трижды крещусь, читаю “Отче наш...” и с хлоппаньем захожу в Днепр. Вода — жидкий азот: парализует, сковывает. Но секунды, мгновения — и становится благостно, тепло внутри и снаружи.

От берега — дальше, заходящи по пояс и, приседая, окунаешься — не с головой, — а вынырнув, растираешь себя водой.

— Хорошо, Господи, хорошо!
И, крестясь то ли на известковое небо, то ли на дымчатый берег, понимаешь, что хорошо не только в теле, но и в том, что принято называть душой.

Стоишь в воде не больше пяти минут, а выходя теряешь одну ветнямку, плюхаешь молочной столой в облещенный берег, но всё равно на миг ясно чувствуешь “то, что принято называть душой”.

Кажется, будто окружающий мир раскатили как пельменное тесто. Чтобы выхватывать из него особенные круги. И всё: птицы, волны, дома, говорит словно шёлотом.

Но жена с посиневшими губами всё ещё стоит на берегу.

— Иди, да иди же ты! Ведь правда хорошо... На удивление слушаешься, заряженная моим восхищением, верой: заходит в воду по шиколотку. Лицо искривляется, словно рассечённое ятаганом надвое, и пища каким-то мальчишеским фальцетом, она выскакивает обратно на берег. Чтобы стремительно, будто конкурс какой, натянуть на себя платье, гамашы, сапоги, шубу. И бежать, умоляя, домой.

А дома возмущаться — “Зачем только меня потащил?” — пить чай с малиновым вареньем, зарывшись под два одеяла, и наконец, мстить молчалием. Убивать огонь, ещё недавно грешный меня у Днепра.

На службу иду один. В тесном храме по-насекомьему людно. Все на виду. Пахнет перегаром и ладаном. Крестьяне, молятся, слушают отца Александра, невысокого, плотного. Вместо привычной окладистой бороды у него щеголеватые, под Джонни Деппа, усы и борода.

Весь он словно не из семнаррия, а из телевизора. Вот-вот улыбнётся да поднимет бокал с шампанским на “Голубом огоньке”.

Но проповедь его не податся внешнему виду. Многие с благоговением слушают, но есть и те, кому, видимо, скучно: то смотрят на часы, то беседуют. Высокая блондинка в цветастой ушанке шепчет:

— Где можно купить крещенскую воду? — у неё гипнотический голос, в нём звенят деньги.

— Можно набрать, но ещё не святили, — трясусь пустой баклажкой, взятой под тару из дома.

Она хочет продолжить, но пальцем к губам прошепчет: “К пастве выходит батюшка: “Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваем...” Нестройно, вразнобой затягивают “Символ Веры”.

Заключающее “аминь” как сигнал к действию: мяса таять снег, цокая каблуками к амвону спешат прихожане. Толкаются, суетятся. Впрочем, неважно, бог с ними. Плохо то, что Бог не со мной. Раз я, такой безгрешный, их осуждаю.

Поэтому пропеть “Отче наш”, нащупывая благодать как улыбку в теле, и выйти на улицу, пока их — с глаз долой — причастят.

Небо повисает болыничным матрасом. На площадке у храма собираются люди. Выставив тару, они поглядывают то на матрасное небо,

то на плазмассовый бак. В него, скользая на льду, носят пока ещё просто воду служки.

Чего носите? Водопровод сломался, из колодца таскаем, чтобы народ воду набрал. Нужна помощь? Ага, только пару себе найди, сам не донесёшь. Донесу. Ну, смотри.

Дают алюминиевое ведро. Кручу ручку подьёмника, набираю воду в колодце, несусь к баку, выливаю. Туда и обратно, туда и обратно, пока из динамика, установленного на черепичной крыше, не слышится голос отца Александра:

— Выходите на улицу, где совершится водосвятный молебен...

Платон БЕСЕДИН

На этих словах небо рвётся, и влажный снег валит на землю поцелуями неопытных семиклассниц. Ищу оставленную баклажку, но её нет у церковной стены.

— Идём, будут воду святить, — улыбаются проходчица служка. Лицо у него бескровное, выжатое.

— Потерял тару, — развожу руками. — Ничего, я тебе дам... По очисненной от льда дорожке, уже припорошенной снегом, заходим в подсобное помещение. В нём — плотный, душистый запах ладана. И стены в иконах. Конопатый служка протягивает мне стеклянную трёхлитровую банку:

— Хватит?
— А пластика нет?
— Уж извини, — смеётся, — где воду взять знаешь...

Батюшка молится над пузатой блестящей купелью. Люди толкаются, ждут. Вклиниваюсь между двумя рыжеватыми мужиками, похожими на стареющих молодцов из мультика “Вовка в тридевятом царстве”. Правый восхищается устойчивой динамикой и делает это почти стихами. Левому, сбивающемуся на жаргон, не нравится звук: слабый, чахоточный.

Молебен по освящению крещенской воды идёт. Только слов больше не слышно. Отхожу позвонить жене, как в детстве меряя периметр площадки шагами. Рельеф подошвы отпечатывается на снегу, похожий на лист ежедневника.

Привет, как дела? Сижу в интернете, фильмы качаю. А здоровье? Так себе. Насморк? Насморка нет — слабость. Так чего у компьютера заседаешь — отдохни! Сам отдохни, не фиг меня на Днепр было тащить, всё, давай. Давай. Пока, пока.

Настроение от разговора целится вниз, под стать сосулькам на крыше звонарни. Возвращаюсь к спорящим молодцам. Отец Александр, вооружившись мохнатым кропилом, начал обход. С ним — два служки и несколько поющих старух. Он кропит людей с задубелыми лицами. Мы улыбаются, крестятся.

Но некоторые возмущаются, злятся: как так, на меня не пошло. Расхристаный мужик, перемотанный чёрно-белым шарфом, матерится, когда батюшка щедро кропит его физиономию.

Большая часть людей, кому осыпали воду, спешит к воротам, но есть и те, кто вновь встаёт в очередь. Много болюшной суеты, и часто бутылки валяются на землю, расплёскивая воду, ставшую агасмой.

Вот и к нам приближаются. Дымящее кадило работает, точно башенный кран: размеренно, чётко. Старухи песнью ямщика тянут “Богородице Дево, радуйся”. Отец Александр опускает мохнатую кисточку в ведро, размашистым крестом освещает нас, воду. И даже молодцы больше не спорят. Быстро пакуются, чинно говорят “до свидания”.

Я же постою, обожду, полюбуюсь. И только затем уберу банку в пакет. Смешаюсь с деловитой толпой, медленно, как стая пингвинов, двигающейся к воротам.

Там суетится тумбовидная женщина в пуховом платке:

— Покупаем крещенскую воду, вечерняя, из Лавры!

Задние ряды толкают передние. Те ступают на облещенный порог, а после — в растаявшую лужу. Моя нога едет; по шиколотку — в мутную талую воду. Она предательски нежно лезет в ботинки, заставляя напрячься.

По берегу Днепра с полной банкой, утопая и этом качестве, пропагандируя совершенство реганомии. Вот и сейчас ты за своё: “...Спасли экономику (разумеется, России, — М.П.) могут только реформы и переход от государственного капитализма к современной системе пост-индустриального общества” (колодка Ясновицкой и очевидцы), 02.01. 2015).

Кого же, любопытно, ты видишь в качестве капитана этого спасаемого российского корабля? Уж не Ходорковский ли, недавнего сидельца, специалиста по шитью тапочек? Или Романовича, о котором ты написал “Роман о Романе”, бестселлер, как твердит реклама? Или Гусинского (с трудом уже вспомнил фамилию)? Или Березовского, точнее дух его? Или Навального? Нет, взирающий на всё свысока и пишущий свои “заметки издалека” Илья, все эти “ребята с вашего двора” — авены, кохи и прочие гайдуренки, в сознании народа давно уже выставлены как “расхитители государственной собственности в

особо крупных размерах”. К тому же один из них в нетях, другие под следствием, а третьи, как таковы и положено, парятся в аду... Далеко им до капитанского мостика.

Теперь о “современной системе постиндустриального общества”. Это, видимо, курс корабля, который ты взялся спасать, и выверен он, надо полагать, по компасу фламанского дреднута под названием “Америка”. И тут я задум тебе детский вопрос или, если хочешь, вопрос из детства. Как называли в Риге тех, кто после войны раздвигал запоздалых прохожих, слабых телесно мужчин, подставляя к ребрам заточку или финку, кто обирал квартиры, унося зачастую последнюю? Как и везде по стране, скажешь ты, — мазуриками, грабителями, разбойниками. Убежден, что иначе ты не ответишь. Тогда скажи, а когда подобное и во многом раз превосходящее делается на государственном уровне — это что, называется по-другому?! Разобомлённая Югославия, уничтоженная Ливия, ракетные удары по Ираку, атаки на Сирию... Это всё “понарошку”, “не взарабду”? В своих колонках ты, Илья, вроде и осуждаешь эти акции, потихоньку поругивая европейских политиков, но закорпички-то этого варварства находятся по твою сторону океана — в Соединённых Штатах. Однако о них ты помалкиваешь или говоришь вскользя, привычно используя фигуру умолчания.

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

здравил юбиляра, передав поздравление по двум выставленным электронным адресам, а в конце пообещал непременно высказаться по поводу его последних комментариев. Что сейчас и делаю...

Колонка от 26 декабря 2014 года называется “Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг””. Тут, понятно, о России — о чём же ещё:

...Идущий у всех парокх о ну корабль — в данном случае имеется в виду неизбывный экономический коллапс России и соответственные политичес-

кие последствия — совершая свой трагический путь под единый крик одобрения и восторга у всех, кого судьба собрала на этом пластвесте.

Что на это сказать, Илья Месевиич?! При прочтении твоего вердикта, почти приговора, возникла масса эмоций. Я ведь тоже на этом, как ты выражаешься, пластвесте.

Первым делом потянулся к батарее — за окном как никак — 29! — пощупал радиатор, отёрнул руку: горячо. Глянул в иллюминатор, пардон, в окно — фонари горят, как и горели, машины и автобусы катят, как и катили, по мосту через Двину — тоже. Стало быть, — делаем вывод: корабль наш глубоко не погрузился. Как там с ватерлинией — не знаю, но до дна явно далеко.

Второе моё действие — магазин. Всё там, как говорил торговля, в ассортименте: купил хлеба, сахара, масла, картошки... Камамбера не приобрёл (завтрак съёшь сам, обедом поделись с другом, а камамбер отдай... французам — авторский вариант).

По пути домой встретил школяров, у младших по причине мороза продолжение новогодних каникул, а старшеклассники учатся. Насиделись полдня за партами, теперь, дурачась, барахтаются в снегу, никакая штука их не берёт.

Вернулся в тепло, заварил чаю, кстати, цейлонского — предпочитая чай всем другим напиткам. Хорошо стало, даже кажется, задремал. А сквозь дрёму услышал — что бы ты, Илья, дунал! — правильно: голоса разносчиков газет почти столетней давности: “Соведния падёт в начале мартабря!”; “Россия на краю гибели...”; “Финита...”. А ещё — не удивляйся! — отозвался Михаила Васильевич Ломоносов, один из двух главных персонажей моего романа “Свиток”.

Земляк, сын Русского Севера, он настойчиво зывал к освоению Севера и Сибири, поясняя,

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?

Зато, как положено у вас, на Западе, ты гневаешься по поводу Крыма, заявляя (кстати, весьма и весьма “нетолерантно”, что Россия “отпяляла цельный полуостров”). Никто ничего не отпялявал — Крым вернулся к исконному хозяину, чём порадоваться по меньшей мере тысячелетием, если вести отсчёт от русского князя Владимира. Но при этом почему-то обходится молчанием то, что ныне творится на Украине?